

Оглавление

Предисловие

7

Главные действующие лица

17

ПРОЛОГ

19

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Грозный Бог.

Война Ленни Белардо

25

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тайный план

65

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Страх и свобода.

Спрятавшийся Бог и Бог-ребенок

95

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бог улыбается.

Любовь Ленни Белардо

137

Предисловие

Предисловия — очень опасная вещь. Мне так кажется.

За последние годы меня, как и многих других, не раз просили написать предисловие к той или иной книге, однако я неизменно отказывался по вполне конкретным причинам.

Как читатель я не решался браться за самые разные книжки потому, что меня отпугивали предисловия, масса изложенных в них сведений, или потому, что из предисловия было ясно: книга, которую я держу в руках, недоступна для меня, человека со скромными интеллектуальными способностями. Или, что хуже всего, создавалось впечатление, будто насыщенное и многогранное предисловие полнее самой книги, а значит, у автора сказано ровно то, что уже сказано в предисловии, только щедро налито воды.

Иногда читать предисловие настолько трудно и утомительно, что добираться до первой страницы самого произведения без сил, поникший, вымотанный, и решаешь взяться за другую книгу. Вдруг повезет и попадетса без предисловия.

А еще предисловие порой дышит таким восторгом, поражает таким разнообразием ярких наблюдений, такой глубиной эрудиции, что голова идет кругом, закрадывается подозрение: вдруг сама вещь не на высоте предисловия. Еще одна веская причина, чтобы ее не читать.

В общем, предисловие — это риск. Хорошо бывает опытному читателю, когда он мгновенно, не испытывая

угрызений совести, понимает, что вступление можно проскачить, в лучшем случае вернуться к нему позже, когда книга уже прочитана.

Однако в подобных случаях поджидает другая опасность: как только попадетсЯ темное место, сразу потянет заглянуть в предисловие и разрешить сомнения. И — начинай все с начала.

Предисловие — не только опасная вещь, оно еще бывает скучным. Наверное, поэтому этот жанр редко встречается в других формах искусства, а если встречается, вызывает нервозность, хочется побыстрее проглотить преамбулу.

Пример некнижных предисловий — те редкие случаи, когда перед началом театрального спектакля на сцену, когда занавес еще не подняли, выходит капокомико¹ и принимается давать наставления, делиться соображениями, которые, вместо того чтобы будить любопытство зрителя, нагоняют на него тоску. К тому же “театральное” предисловие портит весь сюрприз, связанный с появлением актера. В итоге публика, которой заранее всё рассказали, теряет к спектаклю интерес.

В кино длинные фразы, появляющиеся на экране перед фильмом, повергают в панику зрителя, судорожно соображающего: успеет ли он все прочитать, пока текст не исчез? а если нет, поймет ли фильм? Почему-то нам кажется, что эти фразы играют важную и даже решающую роль в понимании смысла картины.

Когда заканчивается первая часть фильма, а ты не до конца разобрался в сюжетных перипетиях, тихо шепчешь себе под нос: “Ну вот! Все из-за того, что я не успел прочитать, что там было в начале!”

А еще предисловие слишком часто грешит стремлением представить выжимку из произведения, объяснить,

¹ Капокомико (итал. *capocomico*) — руководитель труппы в итальянском театре. (Здесь и далее — прим. перев.)

о чем оно на самом деле. Я же испытываю инстинктивное отвращение к нездоровому коллективному желанию однозначно толковать художественные произведения.

В таких случаях меня охватывает разочарование — так бывает, когда поутру обнаруживаешь, что от вкуснейшего торта, который ел вечером, не осталось ни крошки.

Все эти предварительные соображения нужны были, чтобы заявить: впервые мне самому не обойтись без предисловия. Книга моя, а не чья-то еще. А мой издатель, который умеет быть убедительным, заверил, что без предисловия эта книжка рискует превратиться в высшей степени бесполезную вещь. Тщетными и бессильными оказались все мои попытки разъяснить ему, что даже с великолепным предисловием результат может оказаться ровно таким же. Он ко мне не прислушался.

Я очень долго работал над “Молодым папой”. Замысел родился у меня давно и на протяжении лет периодически оживал, однако я сразу гнал от себя эту идею, следуя (ошибочному) убеждению, что в такой стране, как наша, некоторые темы, если говорить о них честно, наверняка окажутся табуированными. Однако, к моему величайшему удивлению, когда я набрался смелости поделиться замыслом с продюсерами, они проявили готовность самоотверженно заняться этим проектом. Сопrotивления, которого я опасался, почти не встретилось. По ходу работы я начал осознавать, что проект затрагивает множество тем. Формат сериала позволил включить много сюжетных линий и персонажей, но, разумеется, затруднял возможность сделать выжимку, объяснить, о чем на самом деле эта история.

Для многих это недостаток, а для меня — достоинство.

Мои хулители полагают, что это говорит о беспорядке в голове, но для меня определенный беспорядок связан с прекрасным и подлинным. При условии, что за беспорядком скрыта упорядоченность повествования и структуры, касающаяся моей сугубо “технической” работы.

Те, кто улавливают этот порядок, ценят то, что у нас получилось, откликаются, находят силы и желание задаваться вопросами. Те, кто в нем запутываются, смотрят на нашу историю с презрением — мол, скучная, высосанная из пальца, дурацкая.

Итак, по изложенным выше причинам вы не найдете в настоящем предисловии ни откровений о смысле моей работы, ни объяснения, о чем и для чего эта история. Потому что такого объяснения нет, а если и есть, для меня оно не имеет никакого значения.

Повторю: я твердо стою на том, что в художественном произведении не нужно искать некий общий и окончательный смысл, пресловутый “месседж”. Тот самый месседж, который терпеть не мог Билли Уайлдер, говоривший: если вам нужно послание, идите на почту.

Меня не разубедить в том, что настойчивые поиски зрителем или читателем месседжа в фильме, книге или телесериале — дань религиозному воспитанию, приучившему воспринимать любое повествование как притчу, в конце которой формулируется мораль. Фильм — нравоучительная басня. Символ — загадка, которую надо разгадать при помощи интеллекта и культурного багажа. Я же всегда считал, что кинолента не должна превращаться в притчу или нести месседж, ее задача — являть собой правдивое творческое представление жизни такой, какая она есть. При этом важны контекст и внутренняя цельность. Цельность, которая упорному искателю месседжей может показаться отсутствием цельности.

Вот почему я не в состоянии объяснить, о чем “Молодой папа”, что я хотел им сказать. Вернее, порой смысл моей работы мне ясен, но вдаваться в толкование — значит совершать над фильмом насилие, выхолащивать, обеднять.

Если зритель придет ко мне и скажет: “Я увидел там то-то и то-то”, неправильно с моей стороны возразить ему, что он ошибся. Если он увидел это, значит, фильм сказал ему именно это.

Так и должно быть.

Кроме того, разделяя мнение знаменитой писательницы, которая утверждала, что все значительное в человеческой жизни происходит до двадцати лет, я только могу объяснить, куда уходит корнями “Молодой папа”, а не какой смысл заложен в фильм.

Итак, я могу только рассказать о его истоках, о том, что подтолкнуло меня взяться за столь масштабный проект.

Истоки в двойственном, противоречивом чувстве, в очаровании и недоверии, которое я испытывал к клиру. К миру священнослужителей. К созвездию, которое наблюдал каждый день на протяжении пяти лет, пока учился в классическом лицее салезианцев¹ в Неаполе — с четырнадцати до восемнадцати лет. А значит, писательница в очередной раз оказалась права.

В общем, это мир воспоминаний, радости и горести которых многократно увеличены, что типично для переходного возраста. Испуганный мальчишка вторгся в мир священнослужителей, который прежде всего поражал своей эстетикой. Их скромные и чистенькие гостиные, где царил порядок и где было так пусто. Диванчик из кожаного заменителя, пара кресел, столик со статуэткой печальной Мадонны, единственная картина на стене — портрет Дона Боско. Ты встречал Дона Боско повсюду — с ласковой и как будто ставящей точку улыбкой; она обещала утешение всякому, кто переживал терзания молодости, хотя на самом деле ты знал, что утешения не будет. Благоклонному образу, который попадался на каждом шагу, никогда не облегчить юношеских терзаний. Чтобы унять тревоги молодости, нужно совсем другое. Нужно стать взрослым. Проще говоря, подождать.

Вечный полумрак кабинетов. Письменные столы с неизменной столешницей из темно-зеленого стек-

¹ Салезианцы — католическая монашеская конгрегация, основанная в 1859 году святым Иоанном Боско; уделяет большое внимание работе с детьми и молодежью.

ла. В кабинетах священников есть нечто пьянящее. И нечто зловещее. За дверью прячется тень человекоубийства, в любой миг готовая шагнуть в комнату, подкреплённая авторитетом фигуры священника — естественным, но неоднозначным.

Бездна взглядов и молчания — это тоже священники. Даже веселые, радующиеся погожему дню священники никогда не вызвали полного доверия у пятнадцатилетнего мальчишки.

Разве может священник быть веселым? Я не мог взять в толк, как не могли взять в толк мои школьные товарищи. Веселье, считали мы, объясняется только грехом. Грехом, который священники постоянно пытались изгнать из наших умов и тел. Хотя казалось, что им самим он на самом деле дозволен. Они вели себя свободно и независимо, особенно по воскресеньям, когда мы не ходили в школу, когда в несвободном мире священника открывались просветы. В понедельник мы читали в глазах прелатов радость от грехов, совершенных в воскресном одиночестве, на свободе, в опустевшем в обеденный час квартале.

Для ученика понедельник — смерть. Для священника, как нам казалось, — жизнь. Хотя, возможно, все это глупые домыслы мальчишек с богатой фантазией. Скорее всего, для священников понедельник означал возвращение к преподаванию, общение с молодежью. Вот откуда непонятная радость в глазах, представлявшаяся нам неуместной.

Хлопочущие монахини, скользящие невидимыми тенями вдоль стен, — еще одно яркое воспоминание. Мы их не видели, но знали об их существовании, поскольку из столовой доносился грохот кастрюль. Они прислуживали священникам, прислуживали круглые сутки.

Когда тайком проникаешь в мир священников, в голову невольно закрадывается недобрая мысль: похоже, се-стер низвели до армии домработниц в монашеском облачении. Обоснованное подозрение. Сестры утверждают,

что служат Богу, но в большинстве своем служат священникам. Я сам видел. Иногда, если удавалось пробраться на этажи, куда нам не разрешали ходить, я слышал своими ушами, как монахиням делают суровый выговор за то, что они плохо справлялись с работой по дому. Священники считали, что это дело сестер. На все Божья воля — повторяли наши священники и наставники. В отношении монахинь Божья воля всегда состояла в том, чтобы они как можно лучше занимались домашним хозяйством, обслуживая мужчин. Не получая за это плату, не испытывая удовлетворения от своей работы.

Бытует мнение, что стюардесса — официантка на большой высоте; так и монахини — домработницы, которые служат священникам и только в оставшееся время — Богу.

А еще каждую неделю к нам приходил священник, упрямый и недалекий, словно игрок в американский футбол: он вел уроки религии и приносил в класс ксерокопии с громким названием “Пасторский воспитательный проект”. Проект не менялся, но он всякий раз с поразительным терпением обогащал его мелкими деталями и выдавал за новый. Нам же проект представляли как неизбежную революцию. Само по себе прочтение отксерокопированных страниц должно было, как он надеялся, превратить нас не только в образцовых христиан, но и в замечательных людей, в тех, кто поведет за собой весь мир. Сам он настолько искренне в это верил, что некоторые отзывчивые ученики испытывали к нему щемящую нежность. Но чаще, то есть у большинства ребят, пасторская утопия вызывала такую ярость и злость, с какой позднее я редко сталкивался. Те, кто уже курил, спокойно поджигали несчастные листочки, романтики складывали из них самолетики. Другие рисовали на обороте что-нибудь малопривлекательное.

Словом, на протяжении пяти лет мы бессовестно велись, услышав слова, смысл которых оставался для нас темнотой: “Пасторский воспитательный проект”. Подростку

не нужен никакой проект, не нужно никакого воспитания, а слово “пасторский” он и вовсе не понимает.

Еще был футбол, в который мы гоняли в оратории всякую свободную минуту. Надо признать, салезианцы придавали футболу большое значение, за что я буду им всегда благодарен. Во время матча, когда обычная жизнь останавливалась, вонючие подростки и чистенькие, хмурые служители Бога наконец достигали взаимной гармонии.

Если использовать слово, которое им очень дорого, — все были этому “сопричастны”.

А потом каждый год наступал апофеоз. Духовные упражнения. Усилия священников в очередной раз разбивались об отчаянный витализм некрасивых прыщавых подростков. Они стремились привести нас к Богу кратчайшим путем; нам же был известен только путь, включающий поездку на служебном лифте в отдаленном монастыре, путь к запретному, на последний этаж, где в гулкой тишине красовалась вывеска, при виде которой мы от удивления раскрывали рты: “Монахини-затворницы”.

Тут наша храбрость таяла без следа. Мы опрометью мчались вниз, потому что знали: никогда в жизни мы не будем готовы к близкой встрече с квинтэссенцией запретного — с монахиней-затворницей.

Ох уж эти неизвестные и загадочные создания, чудища, живущие тишиной и молитвой. Прекрасные тени, о которых мы судачили и которые питали наши болезненные фантазии. Мою фантазию. Разлитую на страницах книги, которую вы сейчас читаете.

Паоло Соррентино

Время
Господне

Главные действующие лица

Ленни Белардо, *молодой папа, взявший имя*

Пия Тринадцатого

КАРДИНАЛ АНДЖЕЛО ВОЙЕЛЛО, *государственный секретарь*

КАРДИНАЛ ОЗОЛИНЫШ

КАРДИНАЛ АГИРРЕ

КАРДИНАЛ КАЛЬТАНИССЕТТА, *старейший из кардиналов*

БЕРНАРДО АЛОНСО ГУТЬЕРРЕС, *монсеньор, впоследствии*
кардинал

ФЕДЕРИКО АМАТУЧЧИ, *помощник кардинала Войелло*

ВАЛЕНТЕ, *помощник папы*

СЕСТРА МЭРИ, *духовная мать Ленни Белардо и Дюссолье,*
а также их наставница

ДОН ТОММАЗО, *францисканец, исповедник кардинала Войелло*

КАРДИНАЛ ДЮССОЛЬЕ, *друг Ленни, с которым он в детстве*
был неразлучен

СОФИЯ, *маркетолог Ватикана*

КАРДИНАЛ МАЙКЛ СПЕНСЕР, *духовный отец Ленни Белардо*

ЭСТЕР, *жена швейцарского гвардейца*

КЁРТВЕЛЛ, *архиепископ, подозреваемый в педофилии*

АНДЖЕЛО САНЧЕС, *молодой человек, мечтающий поступить*
в семинарию

КАРДИНАЛ МИШЕЛЬ МАРИВО, *префект Конгрегации*
по канонизации святых

СЕСТРА АНТОНИЯ, *основательница Деревень добрых дел*

ПРОЛОГ

Дождь стучит в окно.

Будильник айфона выбивается из сил на скромной тумбочке, на заставке — изображение Христа.

Под телефоном потертая Библия в кожаной обложке.

Лежа на спине, словно труп, Ленни Белардо (пятьдесят один год) долго глядит на висящее над изголовьем распятие. Из этого положения оно кажется перевернутым.

Не суетясь, но и не теряя времени, Ленни, словно робот, встает с полутораместной кровати. Кровать из темного дерева, скромная, полированная.

Простая обстановка стилизована под старину: платяной шкаф, тумбочки, маленький письменный стол, трюмо. Все очень скромное, без украшений. Никаких безделушек, в спальне только две статуэтки Мадонны с исполненными страдания лицами.

Ленни надевает вьетнамки, на нем облегающая полосатая пижама.

Постель кажется нетронутой, без единой складки, словно на ней лежали мощи.

Ленни заходит в ванную комнату с коричневой квадратной сантехникой, наследием жуткой моды семидесятых.

Ленни включает уродливую подсветку на зеркале — видны неодинаковые лампочки.

Впервые смотрится в зеркало.

Ленни Белардо — красавец.

Глаза с прищуром, как у яхтсмана, короткие, с проседью волосы, которые он зачем-то причесывает старой расческой, прямой внушительный нос — такой, как говорили раньше, “важный нос” нравится большинству женщин.

Теперь рот. Меняющий форму и оттенок цвета, изменчивый, как настроение его обладателя. Узкий, с тонкими губами в тяжелые минуты, приоткрытый и полнокровный в светлые моменты радости. Губы, похожие на цветы.

Быстрыми уверенными движениями Ленни чистит зубы, как на рекламе зубной пасты, полощет горло, бреется, намазываясь помазком, затем встает под душ, под мощные потоки горячей воды.

Мы видим его обнаженный силуэт лишь одно мгновение — столько, сколько нужно, чтобы понять, что у него до сих пор отличная фигура; конечно, не тело, укрепленное упражнениями в спортзале, но более чем достойные очертания, коим способствует умеренность в еде, которой Ленни очень гордится.

Ленни в белом халате неподвижно стоит, безо всякого выражения глядя на статуэтку страдающей Мадонны.

Радио на трюмо играет “Реквием” Форе. Сильные помехи. Теперь слышно другую FM-станцию, передающую мрачную электронную музыку диджея по фамилии Трентемёллер.

Ленни невольно подходит к радио, чтобы снова найти Форе, но передумывает.

У него на лице появляется почти незаметное выражение удовольствия от прослушивания музыки, которая преображает представление о сакральном.

Он не меняет станцию и направляется к шкафу. Открывает. Внутри всего один наряд — белый, как его халат.

Сутана римского папы.

Ленни Белардо и три пожилых кардинала идут лоджиями, которые расписал Рафаэль.

Они воплощают собой серьезность и прочность традиции. Пятидесятилетний мужчина, которого сопровождают престарелые мудрецы католической церкви, уверен в себе, решителен, бесстрашен.

Он ведет старцев.

Одеяния плавно развеваются.

Ленни совершенно серьезен. Престарелые кардиналы взволнованы. Серьезен он один.

*Если не указано иное,
слова принадлежат
Ленни Белардо.*